

добавление, раскрывающее неблагоприятное поведение митрополита в грозную минуту татарского нашествия, означало, по существу, осуждение его с патриотических позиций. Ненависть Тушина к вековому врагу Руси — татарам еще явственнее сказывается в заключительной записи летописца — о походе Василия III на казанского царя, «христианьского врага и губителя и кровопивца». Татарская тема у Тушина имела совершенно определенный аспект, свидетельствующий о патриотизме составителя.

Изучение рукописного наследия Гурия Тушина освещает ту большую роль, которую Тушин сыграл в развитии русской книжности конца XV—начала XVI в.: он был одним из самых деятельных книгописцев — не просто переписчиком, но и составителем сборников и редактором ряда произведений. Книжное «труждение» Гурий Тушин считал главным делом своей жизни, и, может быть, именно поэтому последнюю статью своей последней книги он посвятил краткому изложению легенды о мощах Иоанна Златоуста: о том, как после взятия Царьграда турками фряги выкупили у турецкого султана мощи Златоуста, а султан, несмотря на выкуп, послал за ними свои корабли, о том, как турецкие корабли были потоплены молитвами Златоуста и мощи его спасены из рук неверных.¹⁰² Иоанн Златоуст почитался православным миром как покровитель книг, «строению» которых Гурий Тушин посвятил всю свою долгую жизнь.

Роль Гурия Тушина в развитии русской культуры конца XV—начала XVI в. не ограничивается книгописанием. В своих книгах Гурий Тушин выступал как представитель определенного направления общественной мысли — нестяжательства, пропагандировавший его идеи посредством своего пера. Анализ содержания книг Тушина позволяет в какой-то мере проследить эволюцию его мировоззрения. Если в первый период своей деятельности, будучи учеником Нила Сорского, Гурий Тушин интересовался преимущественно проблемами внутренней духовной жизни, то в последующее время под влиянием Вассиана Патрикеева в его мировоззрении происходит поворот к практическим вопросам современной ему религиозно-общественной жизни. Гурий Тушин примкнул к той группе нестяжателей, которая во главе с Вассианом Патрикеевым ставила своей целью реформу православной церкви на основе ликвидации вотчинного быта монастырей. Но путь к достижению этой цели Гурий Тушин мыслил себе иначе, чем Вассиан Патрикеев: он связывал его не с секуляризацией церковных земель, а с пропагандой идей нестяжания среди иноков. Иной была позиция Тушина и в вопросах догматических: по отношению к ним он не проявлял никаких «шатаний». Политическую платформу Тушина на основе его книг проследить трудно. Но, судя по общерусской идейной направленности летописца Тушина, а также по той благосклонности, с какой относился к Тушину Василий III, мы можем предположить, что Гурий Тушин, как же как и Вассиан Патрикеев, являлся сторонником великокняжеской власти. Религиозно-философские и общественно-политические взгляды Гурия Тушина — показатель сложности и многообразия оттенков, которые идеология нестяжателей приобретала в лице своих различных представителей.

¹⁰² Софийское собрание, № 1468, л. 180. Другой вариант легенды (пространный) находится в сборнике № 1449 Софийского собрания (лл. 570 об.—571). Этот сборник был написан в 7110 (1602) г. в Кирилло-Белозерском монастыре чернецом Евстафием.